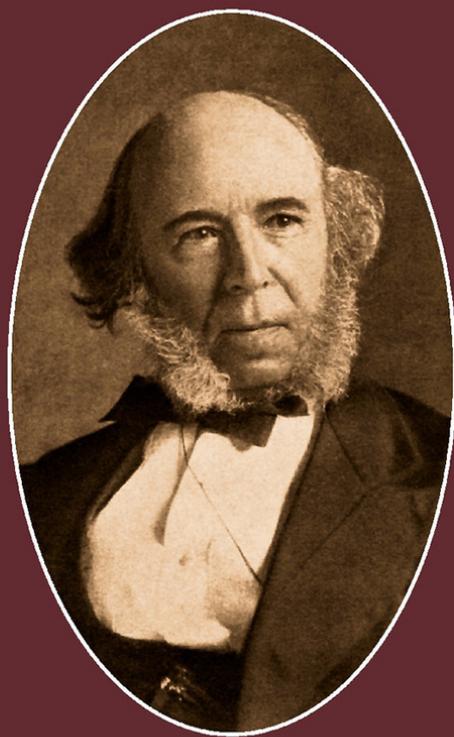

Герберт СПЕНСЕР

ЭТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

V
ТОМ

Политические сочинения

Герберт Спенсер

**Политические сочинения. Том
V. Этика общественной жизни**

«Интермедиагор»

УДК 172
ББК 87.703

Спенсер Г.

Политические сочинения. Том V. Этика общественной жизни /
Г. Спенсер — «Интермедиадор», — (Политические сочинения)

ISBN 978-5-91603-668-8

В V томе публикуются три важнейшие части итогового труда Г. Спенсера «Основания этики»: «Справедливость», «Отрицательная благотворительность» и «Положительная благотворительность», в совокупности составляющие этику жизни человека в обществе себе подобных. Спенсер рассматривал все свои предыдущие работы лишь «вспомогательным средством» для построения научно обоснованной системы нравственности, т. е. принципов хорошего и дурного поведения. Особую настоятельность решения этой задачи он видел в том, что начиная с конца XVIII в. нравственные заповеди постепенно теряли свой авторитет, черпавшийся ими в их предполагаемом священном происхождении, а упадок и смерть регулятивной системы, перестающей соответствовать новым обстоятельствам, прежде чем вырастет и станет на ее место другая регулятивная система, лучше приспособленная к изменившимся условиям, способны вызвать губительные последствия вплоть до полного распада общества. В предисловии автор особо обращает внимание читателей на тесную связь публикуемых здесь частей «Оснований этики» (1891—1893) со своими первыми сочинениями: серией писем «Размышления об истинной роли государства» (1842—1843) и в особенности с «Социальной статикой» (1850), вошедших соответственно в I и II тома настоящего пятитомного собрания «Политических сочинений» Герберта Спенсера.

УДК 172
ББК 87.703

ISBN 978-5-91603-668-8

© Спенсер Г.
© Интермедиатор

Содержание

Предисловие автора к «Основаниям этики»	7
Предисловие автора к I тому	10
Предисловие автора к первому изданию первой части «Оснований этики» 1879 г.	11
Предисловие автора к IV части	15
Часть I	16
I	16
II	19
III	23
IV	27
V	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Герберт Спенсер

Этика общественной жизни

Политические сочинения в 5 т. Т. 5.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

© ООО «ИД «Социум», 2015

* * *

Предисловие автора к «Основаниям этики»

Отдельные части, вошедшие в состав этого труда, появлялись в печати неправильно. Часть I вышла в 1879 г., часть IV в 1891 г., части II и III, составившие вместе с частью I первый том, – в 1892 г., а части V и VI, из которых с добавлением части IV составилась второй том, впервые появляются в свет только теперь. Причины этого странного, на первый взгляд, порядка издания, первоначально вызванного плохим здоровьем, объяснены мною в предисловиях к отдельным изданиям частей, и тому, кто пожелал бы понять, почему я следовал указанному порядку, нужно прочесть эти предисловия в такой последовательности: сначала предисловие к части I, затем к части IV, к тому I и тому II.

Эти особые предисловия, предназначавшиеся для объяснения неправильности в издании отдельных частей этого труда, сохранены и здесь, ввиду того что они объясняют также некоторые повторения, необходимые, по моему мнению, при издании разрозненных частей, так как моей целью была независимость их друг от друга.

Теперь, когда труд этот появляется в целом виде, я могу уже предпослать несколько общих замечаний, которые были бы неуместны в предисловии к той или другой отдельной части.

Излагаемые здесь в исправленной и обработанной форме нравственная доктрина в своих основных чертах уже была изложена в «Социальной статике», изданной в конце 1850 г. Сходство между двумя этими трудами замечается прежде всего в совпадении вошедших в состав их частей. В «Социальной статике» рассматриваемый предмет – нравственность – подразделяется на отделы в которых трактуется в последовательном порядке о поведении в частной жизни, справедливости, отрицательной благотворительности и положительной благотворительности, и каждый из наших отделов соответствует каждой из частей III, IV, V, VI, вошедших в состав этого труда; но здесь, сообразуясь с общим планом «Системы синтетической философии», я предпослал им еще часть I «Данные этики» и часть II «Индукции этики». В «Социальной статике» разработан только один отдел указанной нравственной системы – справедливость, – и в то время, когда я писал ее, я не предполагал, что мне удастся когда-нибудь разработать и другие отделы. Кроме внешнего подобия в подразделении на части оба труда имеют сходство и по своим основным идеям. Как в том, так и в другом проводится взгляд, что человек, подобно низшим животным, способен к бесконечным изменениям путем приспособления к внешним условиям. Как в том, так и в другом я держусь мнения, что человек переходит от первобытного состояния, приспособленного к дикой жизни, к настоящему своему состоянию, приспособленному к оседлой цивилизованной жизни, через ряд изменений в своей природе. Как в одном, так и в другом я описываю, как эти изменения все более и более выливаются в форму, наиболее приспособленную к гармонической кооперации. Как в одном, так и в другом, наконец, я говорю, что этот процесс совершается путем уничтожения некоторых первобытных, уже ненужных более, особенностей организации и развития других особенностей, необходимых при изменившихся условиях. Как в первом, так и во втором труде важнейшим фактором этого прогрессивного изменения я считаю чувство симпатии. Как тогда, так и теперь я утверждаю, что гармоническая общественная кооперация предполагает ограничение индивидуальной свободы, вытекающее из симпатической заботливости о свободе других, и что закон равной для всех членов общества свободы есть именно тот закон, в подчинении которому состоит справедливое индивидуальное поведение и справедливый общественный порядок. В первом труде я формулировал нравственность, в истинном смысле слова, как закон поведения «справедливого человека» (straight man), и это понятие вполне соответствует изложенному в настоящем труде понятию о нравственности с точки зрения абсолютной этики. Как тогда, так и теперь я развиваю ту же мысль, что умственные продукты симпатии, образующие то, что называется «нрав-

ственным чувством», получают у людей тогда, когда они дисциплинируются общественной жизнью, и что вместе с нравственным чувством у них возникают отвлеченные понятия о справедливых человеческих взаимоотношениях, все более и более уясняющиеся по мере того, как улучшается общественная жизнь. Далее, как тогда, так и теперь я делаю отсюда вывод, что путем воздействия общественной жизни совершается примирение индивидуальных особенностей в природе людей с общественными требованиями и что таким образом будет окончательно достигнут величайший индивидуализм вместе с величайшей взаимной зависимостью, такое равновесие, при котором каждый, удовлетворяя нужды собственной жизни, будет в то же время самопроизвольно содействовать удовлетворению нужд всех других членов общества. Наконец, как в первом труде, так и в последнем я делаю одинаковые в существенных чертах выводы относительно прав личности и ее отношения к государству.

Мне доставляет, без сомнения, немалое удовольствие тот факт, что эти идеи, не имевшие никакого успеха в 1850 г., получили теперь всеобщее распространение и встретили, особенно со времени издания в 1879 г. «Данных этики», настолько радушный прием, что приняты к сведению в большей части новейших трудов в области этики, а во многих случаях все эти идеи или некоторые из них молчаливо приняты. Во многих трудах высказывается мнение, что эволюционная теория этики давно уже знакома, или же что она ведет начало от 1852 г., когда получила известность доктрина естественного отбора. По этому поводу я могу указать на «Moral Order and Progress» м-ра Александра и еще с большим основанием на «Review of Systems of Ethics Founded on Evolution» м-ра Уильямса. В последней книге во вступительных замечаниях и в параграфе, посвященном изложению взглядов Дарвина, Уоллеса и Реккеля, автор утверждает, что «эти великие самобытные авторитеты» проложили путь системе эволюционной этики. Хотя в непосредственно следующими за этими строками изложении моих собственных взглядов признается тот факт, что они были высказаны еще в 1851 г., но место, отведенное этому изложению, и определенные заявления практически уничтожают это непосредственное признание. И в результате остается впечатление, что мои взгляды явились как бы следствием взглядов Дарвина. И таково действительно общее установившееся убеждение, что ясно показывает часто встречающаяся фраза «дарвинизм в этике», которую я и в данную минуту вижу перед собой в одной рецензии на книгу Уильямса. Старания мои исправить это ошибочное убеждение, были бы конечно, напрасным трудом. Всякая попытка показать людям, что они впадают в ошибку, раздражает их; поэтому, пожалуй, в моих интересах ничего не говорить по этому поводу. Но мне кажется все-таки нужным, в видах исторической истины, указать, что в этом случае, как и в других, генезис идей не всегда следует порядку логической последовательности, и что доктрина органической эволюции в ее приложении к уму и характеру человека, а следовательно, и к обществу, относится к более раннему времени, чем «Происхождение видов».

Не входя в подробные вступительные объяснения относительно этики, здесь не мешает, быть может, разъяснить в коротких словах один вопрос. В этом труде, равно как и с большей или меньшей последовательностью и во всех новейших трудах в области этики, молчаливо признается та посылка, что поведение, о котором идет речь, есть поведение, сходных по природе и относительно сходных по природе индивидуумов, таких индивидуумов, сходство которых по природе так велико в сравнении с их особенностями, что объединяет их в один род.

Возможность другой посылки и, следовательно, другой этики будет яснее видна из следующей аналогии. Различные виды общественных насекомых, хотя и не образуют общества в собственном смысле этого слова (так как рой таких насекомых представляет одну обширную семью, происходящую от одних и тех же родителей), но тем не менее показывает нам, что может существовать такая кооперация, существенной чертой которой является ясно выраженное неравенство ее членов, и служат наглядным доказательством возможности общественной организации, где нормальные отношения между классами подчиняются специальным, приспособ-

собленным к особенностям каждого класса, а не общим для всех классов правилам. Эти насекомые наводят на мысль, что несходные между собой члены одного и того же общества способны к согласованному сотрудничеству на принципах, вполне отвечающих неравенству их по природе, – и заставляют нас обратить внимание на тот факт, что всегда существовали и теперь существуют организованные аналогичным образом человеческие общества, причем аналогия так велика, что классы, сформированные из разнородных, резко отличающихся друг от друга и посвященных различной деятельности индивидуумов достигли уже или стремятся достигнуть совершенно противоположного характера, приспособленного к их относительному положению и обязательным, по их мнению, правилам взаимного поведения общества, в состав которых входят господствующая и поработанная расы, вполне отвечающие этой характеристике. В Соединенных Штатах во времена рабства рабы имели обыкновение насмехаться над свободными неграми, потому что у них нет белого, который бы о них заботился. Чувства людей до такой степени могут изменяться под влиянием неравных отношений, что в Южной Африке, например, слуги доброго хозяина отзываются о нем с презрением за то, что он их не бьет. Имея перед глазами эти резкие примеры, мы можем предугадывать, что всюду, где существуют господствующие и поработанные классы, как то было в прежние времена повсюду в Европе, люди до такой степени приспособляются к этим условиям, что власть, с одной стороны, и подчинение – с другой, становятся естественными спутниками данного общественного типа. Непрерывное воспитательное воздействие внедрения каждого класса способствует дифференциации людей на две разновидности в такой степени, что одна из них становится органически приспособленной к власти, а другая – к подчинению. И стоит только вспомнить лояльность времен феодализма, проходившую красной нитью через все общественные ступени, или старинную верность гейлендера главе рода, чтобы видеть, что на почве неравных отношений образуются совершенно приспособленные к условиям нравственные понятия.

Но системы этики, приуроченные к социальным системам, характерно чертой которых является такое организованное и установленное законом неравенство, не могут быть совершенными системами этики. Ясно, что они предполагают несовершенную и неудовлетворяющую самое себя организацию людей. С одной стороны здесь требуется внешний контроль для надлежащего регулирования поведения, с другой стороны – такое внешнее воздействие, которое, наоборот, обуславливается неспособностью удовлетворять собственными силами всем своим потребностям. Сверх того, внешний контроль требует больше затраты энергии, чем внутренний. Там, где высшие классы управляют низшими, непроизводительно расходуется труд на управление, чего не было бы, если бы все сами управляли собой. Но главное несовершенство этических систем, приуроченных к основанным на органическом неравенстве обществам, заключается в том, что симпатия и все те чувства, в которые она входит как составной элемент, и все то счастье, источником которого она служит, остаются неполными. Противоположные натуры не могут симпатизировать друг другу в полной мере, а лишь настолько, насколько и им общи некоторые чувства.

Отсюда следует, что несходство людей, обусловленное долговременным господством одних классов и долговременным подчинением других, несовместимо с высшим и полным счастьем, которая составляет цель рациональной этики. Итак, в этом труде, с начала и до конца, мы молчаливо признаем, что существа, о которых идет речь, обладают истинным, характеризующим собой одну и ту же разновидность людей, единством природы, и не будем касаться, иначе как случайно или ради контраста, обществ смешанного характера, подобных тому, какое мы создали в Индии, а тем менее общества, где есть рабы.

Г. С.

Июнь 1892 г.

Предисловие автора к I тому

Без надлежащего разъяснения с нашей стороны порядок, в котором отдельные части «Основания этики» были и должны быть изданы, могут вызвать недоразумения, так как ход моей работы и появление ее в печати были не совсем обычны. Как я уже объяснял в первоначальном предисловии к I части (которое воспроизведено на нижеследующих страницах), последняя была написана и напечатана отдельно в 1879 г. под влиянием той мысли, что плохое здоровье окончательно помешает мне заняться этикой, если я буду ждать, пока дойду до нее, следуя предначертанному плану моего труда. С тех пор прошло более десяти лет, отчасти посвященных дальнейшей разработке «Оснований социологии», отчасти проведенных в состоянии полного упадка сил, препятствовавшего какой бы то ни было серьезной работе. Но как только я почувствовал некоторое облегчение, я решил написать самую важную из следующих частей «Оснований этики», а именно IV часть – «Справедливость». Она была напечатана отдельно в июне 1891 г. Как указывалось в предисловии к ней, я предполагал написать затем, если будет возможно, II и III части, чтобы таким образом закончить I том. Это намерение, к счастью теперь осуществилось, и II и III части напечатаны вместе с I частью, как и предполагалось по первоначальной программе.

Указывая на эти неправильности в издании, я имею одну цель – представить оправдания в некоторых повторениях и, быть может, незначительных погрешностях, которые, как я опасюсь, встречаются в этом труде. Старания мои сделать некоторые из отделов понятными по отдельности побудили меня включить в них объяснения, относящиеся к другим отделам, что было бы совершенно излишне, если бы весь труд печатался одновременно.

Теперь мне остается написать и издать отделы, составляющие II том: V часть «Этика социальной жизни. Отрицательная благотворительность» и VI часть «Этика социальной жизни. Положительная благотворительность». Я надеюсь окончить эти отделы, прежде чем лишусь совершенно сил: мне особенно хотелось бы выполнить это, так как в противном случае изданные уже части произведут почти на всех очень неверное впечатление относительно общего тона эволюционной этики. Излагаемая система нравственности в целом виде совмещает и строгость, и доброту; но до сих пор внимание было обращено почти исключительно на строгость, и в результате получилось в высшей степени ошибочное понимание и ложное толкование моих взглядов.

*Лондон,
июнь 1892 г.*

Предисловие автора к первому изданию первой части «Оснований этики» 1879 г.

Достаточно заглянуть в программу «Системы синтетической философии» чтобы увидеть, что издаваемые мною теперь главы составляют первый отдел сочинения – под заглавием «Основания нравственности», которым заканчивается эта система. А так как второй и третий тома «Основания социологии» не появились еще в свете, то появление в печати первого отдела этого заключительного труда может показаться несвоевременным и неуместным. Такое отступление от первоначально принятого мной порядка было вызвано опасением, что настойчивое следование этому порядку, может повести к тому, что этот заключительный труд, завершающий собой задуманный мной ряд исследований, может остаться невыполненным. Многочисленные намеки, повторявшиеся в последние годы все чаще и яснее, показали мне, что я легко могу потерять окончательно если не жизнь, то здоровье, прежде нежели мне удастся достигнуть до последней части поставленной мною себе задачи. А между тем я считаю, что все предыдущие части должны быть рассматриваемы лишь как вспомогательные средства для выполнения этой последней части моей задачи. В моем первом очерке, – появившемся еще в 1842 г. и состоявшем из ряда писем об «Истинной роли государства», – я уже указал в общих чертах, в чем заключаются по моему мнению некоторые из основных принципов хорошего и дурного поведения в политической области; и с тех пор до настоящей минуты моею конечною целью, лежавшей позади всех ближайших моих целей, всегда было стремление: найти научное основание для принципов хорошего и дурного поведения вообще, т. е. во всех сферах деятельности, какова бы она ни была. Понятно, что я не могу смотреть равнодушно на возможность оставить эту задачу невыполненной после того, как я сделал такие обширные приготовления к ее выполнению; а потому я и стараюсь отвлечь эту возможность, если не вполне, то хотя бы отчасти. Вот чем объясняется сделанный мною шаг. Хотя этот первый отдел сочинения, завершающего собою мою «Синтетическую философию», и не может, конечно, содержать в себе специальных выводов и заключений, долженствующих содержаться в целом труде; однако же он уже содержит в себе их все в скрытном состоянии; так что для определенной формулировки этих уже подразумеваемых в нем выводов и заключений не требуется ничего более, кроме простой, логической дедукции.

Есть еще одна причина, почему я так спешу ознакомить публику с этим заключительным трудом хотя бы в общих чертах, если мне не суждено завершить его вполне; причина эта заключается в том, что установление правил хорошего и дурного поведения на научном основании представляет настоятельную потребность данной минуты. В настоящее время, когда нравственные заповеди теряют мало-помалу свой авторитет, почерпавшийся ими в их предполагаемом священном происхождении, секуляризация нравственности, т. е. установление ее на светских основаниях, становится положительной необходимостью. Очень немногие события в состоянии повлечь за собою такие губительные последствия, как упадок и смерть регулятивной системы, переставшей соответствовать новым обстоятельствам, прежде чем вырастет и станет на ее место другая регулятивная система, лучше приспособленная к изменившимся условиям. Большинство из тех, которые отвергают ходячие верования, допускают, по-видимому, что контролирующая власть, представляемая этими верованиями, может быть отброшена в сторону, без всяких опасений, и что открывшаяся таким образом вакансия может оставаться незамещенной никакой другой контролирующею властью. В то же самое время люди, защищающие ходячие верования, утверждают, что при отсутствии доставляемого этими верованиями руководства не может существовать никакого другого руководства; так что, по их мнению, единственными руководителями нашего поведения могут служить одни только божеские запо-

веди. Таким образом эти крайние оппоненты имеют некоторую общую точку соприкосновения. Один из них утверждает, что пробел, оставленный исчезновением кодекса сверхъестественной этики, не нуждается в заполнении его кодексом естественной этики, а другой говорит, что этот пробел и не может быть заполнен подобным образом. Так что оба они видят перед собою пустое пространство, которого один из них желает, а другой страшится. А так как совершающаяся в обществе перемена, обещающая или угрожающая привести к этому состоянию, кажущемуся для одних желательным, а для других – ужасным, быстро подвигается вперед, то все те, которые убеждены в том, что этот пробел может и должен быть заполнен, должны считать себя обязанными сделать хоть что-нибудь для осуществления этого убеждения.

К этому более специальному соображению я могу прибавить еще одно соображение более общего характера. Истолкователи нравственных правил причинили много зла, представляя их в большинстве случаев лишь с их отталкивающей стороны; а потому нельзя не ожидать наперед больших благ от представляется нравственных правил с привлекательной стороны, которая обнаруживается во всех тех случаях, когда их не искажают суеверие и аскетизм. Коль скоро какой-нибудь отец, сурово принуждающий своих детей к исполнению своих многочисленных приказаний то действительно нужных, то вовсе ненужных, присоединяет к своему строгому контролю над их поведением еще и совершенно несочувственное обращение с ними – коль скоро эти дети вынуждены пользоваться удовольствиями только украдкой, или коль скоро они, робко поглядывая на него во время своих игр, встречают с его стороны только холодный взгляд, а еще чаще нахмуренный брови; то власть и управление такого отца будут неизбежно возбуждать в детях только неудовольствие, если не ненависть; так что они будут постоянно стремиться уклониться от них, насколько это окажется возможным. И наоборот, отец, который, поддерживая с не меньшей твердостью все ограничения, необходимые для блага его детей, а также для блага других лиц, не только избегает ненужных ограничений, но еще дает свою собственную санкцию всем законным удовольствиям своих детей и, доставляя сам нужные для этого средства, глядит с одобрительною улыбкою на их забавы, не может не приобрести на своих детей сильного влияния, которое, оказываясь не менее действительным, чем в предыдущем случае, для данного времени, сохраняет эту действительность и на будущее время, т. е. оказывается прочным и продолжительным. Контролирующая власть этих двух различных отцов может служить символическим изображением контролирующей власти нравственности, какова она есть, и нравственности, какою она должна бы быть.

Но зло происходит тут не от одной только излишней строгости этического учения, завещанной нам суровым прошедшим. Тут есть еще и другое зло, проистекающее из практической невыполнимости его идеала. В своей насильственной реакции против полнейшего себялюбия жизни, царствующего в варварских обществах, это учение настаивало на жизни, совершенно чуждой всякого себялюбия. Но как всемогущий эгоизм прежней грубой военщины не мог быть переделан многочисленными попытками безусловного подавления человеческого *я* в монастырях и религиозных обителях, так точно и дурное поведение нынешних обыкновенных людей не может быть исправлено установлением такого идеала самоотвержения, который выходит за пределы выполнимости для обыкновенного человека. Установление такого идеала скорее же поведет людей к отчаянию и к оставлению всякой попытки на более высокую жизнь. Стремление достигнуть невозможного не только оканчивается постоянно этим способом, но в то же время еще и подрывает в людях доверие к возможному. Ибо вследствие своей связи с неисполнимыми правилами даже исполнимые правила теряют в их глазах свой авторитет.

Я несколько не сомневаюсь в том, что теория правильного поведения, изложенная в общих чертах на этих страницах, подаст повод ко множеству враждебных суждений и толков. Критики известного класса, вместо того чтобы радоваться, что этические принципы, выведенные научным путем, совпадают с этическими принципами, выводимыми ими иным образом, сочтут себя оскорбленными этим совпадением. Вместо того, чтобы признать наличность суще-

ственная сходства, они станут распространяться касательно поверхностных различий. Дело в том, что с окончания периода религиозных преследований в поведении так называемой ортодоксии по отношению к так называемому еретичеству (гетеродоксии) произошла очень любопытная перемена. Было время, когда еретик, принужденный пыткой к отречению от своих мнений, вполне удовлетворял властей этим внешним обнаружением согласия с господствующей верою; так что такое кажущееся чисто внешнее соглашение оказывалось вполне достаточным, как бы ни было глубоко и сильно действительное, реальное разногласие, продолжавшее существовать между бывшим еретиком и господствующей верой. Но теперь, когда уже нельзя более принудить еретика силой к исповеданию общепринятого верования, защитники этого верования стараются выставить его верование настолько противоположным общепринятому, насколько только это окажется возможным. Расходится он в чем-нибудь с установленной теологической догматикой? В таком случае это должен быть атеист, хотя бы сам он и считал этот термин совершенно неприложимым к его собственным убеждениям. Считает он спиритуальные объяснения явлений несостоятельными? В таком случае его следует причислить к материалистам, хотя бы он с негодованием отказывался от этого имени. Подобным же образом, каковы бы ни были различия между естественной нравственностью и сверхъестественной нравственностью, приверженцы этой последней считают наилучшей политикой преувеличивать эти различия как можно сильнее и превращать их в основной антагонизм. Следуя этой политике, они по всей вероятности выберут из этого тома для своих осуждений такие учения, которые, оторванные от связи с прочими и взятые отдельно, сами по себе легко могут быть представлены так, что покажутся крайне дурными. Стремясь к ясности изложения, я рассматривал отдельно многие соотнесительные стороны поведения, выводя при этом частные заключения, из которых каждое становится неверным, будучи оторвано от прочих; а потому я дал обильный материал для неправильного истолкования моих действительных взглядов.

Отношения этого труда к другим, предшествующим ему в этом ряду, таковы, что требуют частых ссылок на них. Так как это сочинение представляет последний результат принципов, изложенных в каждом из предшествовавших ему сочинений, то я нашел неудобным уклоняться от повторения изложения снова этих принципов. Кроме того, изложение этих принципов в их отношениях к различным этическим теориям делало необходимым в каждом случае напомнить вкратце читателю не только то, в чем заключаются эти принципы, но также и то, каким образом они были выведены. Вот чем объясняется присутствие в этом томе многих повторений, которые для некоторых покажутся, вероятно, очень скучными. Впрочем, я не особенно сильно сожалею об этом почти неизбежном результате, потому что только путем многочисленных и разнообразных повторений могут быть внедрены в сопротивляющиеся умы чуждые им дотоле понятия.

Июнь 1879 г.

Предисловие автора ко II тому «Оснований этики»

Теперь, когда с выходом V и VI части (часть IV появилась еще раньше) мне удалось завершить второй том «Оснований этики», – в чем я уже несколько лет отчаивался, – чувство удовлетворения нарушается у меня при мысли, что эти новые части менее определенны в своих заключениях, чем я надеялся. Совершенной определенности, конечно, нельзя было и ожидать. Истинные правила для поступков существа столь сложного, как человек, живущего в таких сложных условиях, каковы общественные, очевидно составляют предмет, не допускающий специальных положений общеобязательного характера.

Основной отдел – сфера частного поведения, необходимо зависящего, в известной мере, от природы индивида и обстоятельств, в которых он находится, – может быть нормирован лишь приблизительно; и в большинстве случаев руководство должно ограничиться судебским взвешиванием требований и избеганием крайностей. Переходя к первому большому

отделу поведения общественного – к «Справедливости», мы действительно вступаем в область заключений, в значительной степени определенных. К счастью, в этом, наиболее важном, отделе этики, трактующем об известных правильных отношениях между индивидами, безотносительно к их характеру и обстановке, фигурирует руководящая идея справедливости или равенства (equalness) – туда вводится идея меры, и полученные выводы приобретают некоторый количественный характер, вследствие чего отчасти уподобляются выводам точных наук. Но когда, оставив этот наиважнейший отдел, предписания которого непреложны и не считаются с личными моментами, мы обращаемся к остающимся отделам – благотворительности отрицательной и положительной, – мы оказываемся в области, где сложность личного поведения усугубляется многообразными отношениями к не менее сложному поведению окружающих. Для разрешения проблем, которые здесь возникают, природа меры не дает нам никакого руководства, и нам приходится обыкновенно следовать эмпирическим суждениям.

Ввиду этих признаний, быть может, станут утверждать, что здесь нам нисколько не помогает общее учение о развитии. На это я возражу прежде всего, что в новом отделе этики, трактующем о справедливости, эволюционное учение способствует как проверке эмпирических заключений, так и установлению некоторых, еще не признанных, важных выводов. Если скажут, что на протяжении заключительных отделов этики, обсуждающих благотворительность, отрицательную и положительную, заключения должны быть, как указано, преимущественно эмпирическими, и что поэтому здесь во всяком случае учение об эволюции нам не поможет, – то следует возразить, что оно помогает нам если не в специальных вопросах, то в общих. Прежде всего, учение это доставляет нам естественную санкцию некоторым видам поведения, которые в настоящее время предполагаются лишенными всякой санкции, если у них нет санкции сверхъестественной, – оно показывает нам, что эти виды поведения охватываются границами развивающейся человечности, способствуют высшей жизни и, вследствие этого, обязательны. Во-вторых, предоставляя нам составлять эмпирические суждения, эволюционное учение дает те общие истины, которыми следует руководствоваться в этих эмпирических суждениях – намечает пределы, в которых они должны вращаться.

Части V и VI подкрепляют правила благотворительности, прибавляя к эмпирической санкции санкцию рациональную; но сверх этой службы содержание этих частей имеет следующие права на внимание: во-первых, в каждой главе изложены с точностью разнообразные требования и ограничения, с которыми следует считаться, что помогает образованию уравновешенных суждений. Во-вторых, такое методическое рассмотрение сообщает известную связность спутанным и часто противоречивым идеям о предмете благотворительности, какие ныне циркулируют. В-третьих, наконец, получающаяся в результате связанная научная дисциплина содержит в себе регулирование некоторых родов поведения, на которое в обыкновенных этиках не обращается внимание.

Предисловие автора к IV части Первому (отдельному) изданию

В предисловии к «Данным этики», изданным в июне 1879 г., встречаются следующие слова: «Признаки, повторявшиеся в последние годы все чаще и явственнее, убедили меня, что состояние моего здоровья может постоянно ухудшаться, даже если жизнь не придет к концу, — раньше, нежели я достигну последней части намеченной мною для себя задачи». Затем следовало утверждение, что «эта последняя часть моей задачи», а именно вывод этики из учения о развитии, «представляет то, к чему все предшествующее я считаю лишь вспомогательным средством», и что поэтому для меня нежелательно предвидеть возможность невыполнение этого дела. Отсюда явилась решимость заранее написать «Данные этики».

Нечто подобное предвиденной катастрофе постепенно наступило. Годы расстроенного здоровья и ослабшей способности к труду привели (в 1886 г.) к полному упадку сил, и дальнейшая разработка «Синтетической философии» была задержана до начала 1890 г., когда снова стало возможным предаться хотя немного ежедневному серьезному труду. Конечно, возник вопрос, какой труд предпринять сначала? Без колебания было решено закончить «Основания этики», так как руководящие отделы «Оснований социологии» были уже выполнены. Затем представился дальнейший вопрос: какую часть «Оснований этики» написать сначала? Руководствуясь мнением, что остаток моих сил, вероятно, не позволит мне закончить всего, я признал за наилучшее начать с важнейшего. Поэтому, минуя части II («Индукции этики») и III («Этика индивидуальной жизни»), я посвятил себя IV части — «Этика социальной жизни. Справедливость» и теперь, к моему величайшему удовольствию, успел довести этот труд до конца.

Если улучшенное состояние здоровья продлится, я надеюсь до конца будущего года выпустить части II и III — в восполнение I тома; затем, если буду в силах, займусь V частью: «Этика общественной жизни. Отрицательная благотворительность» и VI частью: «Этика общественной жизни. Положительная благотворительность».

Между этой (III) частью «Оснований этики» и первым моим трудом, «Социальной статикой», конструктивная часть которой занимается той же темой, существуют значительные различия. Во-первых, здесь нет тех сверхъестественных толкований, какие были в первой моей книге: здесь изучение исключительно естественное, т. е. эволюционное. Этому различию сопутствует другое: в «Социальной статике» биологическая основа этики была лишь намечена, здесь же она окончательно установлена; и главной задачей сделалось развитие отсюда заключения. Дальнейшее отличие в том, что индукция чаще привлекается на помощь дедукции. В каждом случае показано, какие следствия из первоначально установленного принципа оправдывались дальнейшим прогрессом человечества.

Не лишнее прибавить, что первые пять глав уже были напечатаны в «The Nineteenth Century», март и апрель 1890 г.

С.

*Лондон,
июль 1891 г.*

Часть I

Справедливость

I

Нравственность у животных

§ 246. Не читавшие первой части этого сочинения будут удивлены этим заглавием. Но кто читал главы о «поведении вообще» и о «развитии поведения», тот знает, что действительно существует нечто, заслуживающее названия нравственности у животных.

Предмет, о котором идет речь в науке о нравственности, находится в неразрывной связи с поведением в самом широком смысле этого слова. Наилучшее поведение есть то, которое приводит к наибольшей продолжительности, широте и полноте жизни. Стало быть, существует некоторое поведение, свойственное каждому виду животных, которое следует считать относительно хорошим, а именно то, которое относится к животному так, как нравственно одобряемое нами поведение – к человеческому роду.

Большая часть людей считает предметом науки о нравственности лишь такое поведение, которое вызывает одобрение или порицание. Но первичный предмет этой науки есть поведение, рассматриваемое объективно, т. е. как дающее хорошие и дурные последствия самому действующему лицу, или другим, или ему и другим.

Даже люди, полагающие, что наука о нравственности касается исключительно поведения, заслуживающего одобрения или порицания, безмолвно признают, что и к животным приложимо понятие нравственности, потому что известные действия животных возбуждают в них порою сочувствие, порою негодование. Птица-самец, кормящий свою подругу в то время, когда она высидывает яйца, возбуждает чувство одобрения. Курица, отказывающаяся сидеть на яйцах, внушает отвращение, тогда как наседка, вступающая в битву за своих цыплят, возбуждает удивление.

Себялюбивые поступки, точно так же, как и поступки, внушенные любовью к другим, если они совершаются животными, должны считаться хорошими или дурными. Белка, собирающая запас пищи на зиму, поступает так, как, по нашему мнению, должна поступать каждая белка. Обратное, та, которая по лености не делает запаса и гибнет от голода, рассматривается как несущая достойное наказание за свою беспечность. Собака, отдающая кость другой собаке без драки и боязливо убегающая прочь, называется трусливою – слово, выражающее порицание.

Итак, ясно, что поступки, приводящие к сохранению потомства или особи, рассматриваются как хорошие по отношению к животному виду, обратные поступки считаются дурными.

§ 247. Два рода поступков – альтруистические, или внушенные любовью к другим, и эгоистические, или себялюбивые, – указывают нам на два главных и противоположных между собою начала нравственности у животных.

В незрелом возрасте благодеяния, получаемые животным, должны быть обратно пропорциональны способностям, которыми оно обладает. Внутри семьи наиболее должен получить тот, кто наименее заслуживает, если заслугу измерять ценностью заработка. Обратное, по достижении зрелости достигаемая выгода должна быть прямо пропорциональна ценности, если ценность измеряется приспособленностью к условиям существования. Дурно приспособленные должны страдать от своей негодности, а хорошо приспособленные получают выгоду от своей годности. Таковы два закона, с которыми должен сообразоваться всякий вид животного, чтобы

сохраниться. Ограничим это предложение высшими животными, так как у низших родители не оказывают потомству никакой помощи, кроме той, что вносят малые запасы пищи в их зародыши, причем чудовищная смертность уравнивается чудовищною плодовитостью. Говоря лишь о высших животных, можно сказать, что очевидно, если бы у детенышей выгода была сообразна с их способностями, вид тотчас должен был бы погибнуть, и если бы у взрослых выгода была пропорциональна их негодности, то вид неминуемо погиб бы в течение немногих поколений (сравн. «Основания Социологии», § 322).

§ 248. Но какова нравственная сторона этих начал? Прежде всего жизнь всех, исключая самых низших животных, сохранилась благодаря этим началам. За исключением простейших одноклеточных животных (Protozoa), где следствия этих законов едва заметны, мы видим, что без даровых выгод в пользу детенышей и заслуженных выгод в пользу взрослых жизнь не могла бы продолжаться.

Далее, те же законы привели к постепенному развитию жизни от низшей ступени к высшей. Забота о потомстве, ставшая более значительною по мере усложнения организации, и выживание наиболее приспособленных к борьбе между взрослыми, которая стала более обычною по мере усложнения организации, постоянно упрочивали превосходство одних над другими и приводили к новым успехам.

С другой стороны, справедливо, что самопожертвование при заботе о детенышах и борьба за существование между взрослыми производили гибель и голодную смерть, столь частую на ранних ступенях развития. Справедливо и то, что действия, сообразные с этими законами, привели к появлению мучительных паразитов, которые по числу видов и особей превышают всех остальных животных.

Люди, привыкшие относиться пессимистически к животной жизни вообще, вникая в эти законы, конечно, увидят все в дурном свете. Но оптимисты, и *мелиористы*, и те, которые признают, что мерилом счастья является умножение числа удовольствий и благ жизни, вникая в эти начала, будут более или менее удовлетворены и признают, что выполнение их заслуживает нравственного одобрения.

Кто желает рассматривать эти начала с точки зрения господствующих религиозных убеждений, тот увидит в них выражение божественной воли. Тот, кто убежден в непознаваемости высшей силы, скажет только, что эти начала выражают способ действия этой непознаваемой силы во Вселенной. В обоих случаях мы приобретаем еще новый довод в пользу этих начал.

§ 249. Но, оставляя в стороне решительный спор между пессимистами и оптимистами, достаточно на первый случай ограничиться нашим положением и применить его лишь к какому-либо одному виду. Если сохранение и благополучие этого вида желательно, то отсюда неизбежно вытекает одно общее следствие, а из него – три менее общих.

Общий вывод будет тот, что по своей обязательности сохранение вида стоит выше сохранения особи. Справедливо, что вид существует только как совокупность особей; справедливо и то, что поэтому благополучие вида является целью лишь в смысле сохранения благополучия особей. Но исчезновение вида подразумевает исчезновение особей, влечет за собою полную неудачу в достижении всех целей; тогда как исчезновение отдельных особей, даже в большом числе, может все-таки дать остаток, довольно многочисленный для продолжения существования вида, причем последующее выполнение цели окажется возможным. Итак, сохранение особей, в большей или меньшей степени, смотря по условиям, должно все-таки быть подчинено сохранению вида в том случае, если между тем и другим оказывается столкновение.

Отсюда вытекают такие следствия.

Во-первых, среди взрослых должна господствовать сообразность с законом, что получаемая выгода должна прямо соразмеряться с заслугами, причем заслуги измеряются способно-

стью к поддержке собственного существования. Не будь этого, вид должен был бы пострадать от двух причин. Он пострадал бы прямо, вследствие пожертвования лучшими ради худших, что влечет за собою общее уменьшение благополучия; он пострадал бы и косвенно, от дальнейшего размножения худших, которое препятствует размножению лучших, влечет за собою общее понижение уровня и при достаточной продолжительности влечет к вымиранию вида.

Во-вторых, в течение ранних периодов жизни, прежде чем животное в состоянии поддержать самого себя, и также в то время, когда оно лишь частью способно к самоподдержанию, помощь, оказываемая животному, должна быть наибольшею, пока его собственная ценность наименьшая, – получаемые выгоды должны быть обратно пропорциональны заслугам, причем заслуги измеряются способностью самоподдержания. Если нет даровых подачек потомству, сначала неопределенных, затем определенно уменьшающихся по мере приближения зрелости, то вид исчезает вследствие гибели детенышей. Конечно, отсюда вытекает сообразная с этим способность взрослых к самоотвержению.

В-третьих, к этому самоотвержению, вытекающему из родительских отношений, в известных случаях присоединяется дальнейшее самообуздание. Если в силу организации вида и по причине условий его существования пожертвование – частное или полное – некоторыми из особей сохраняет благополучие вида и если его численность поддерживается этим способом лучше, чем иначе, то ясно, что и такие жертвы должны быть оправдываемы.

Таковы законы, с которыми сообразуется вид для поддержания своего существования. И если мы предположим, что сохранение какого-либо вида желательно, то отсюда вытекает обязательство сообразоваться с этими законами, которые следует назвать, смотря по обстоятельствам, подобными нравственным или в полном смысле слова нравственными.

II

Дочеловеческая справедливость

§ 250. Из двух существенных, но противоположных начал деятельности, которые сохраняют каждый вид, мы здесь рассмотрим лишь второе. Оставив в стороне закон семьи, составленной из взрослых и детенышей, мы теперь рассмотрим исключительно закон вида, как составленного только из взрослых.

Этот закон, как мы видели, состоит в том, что особи наиболее ценные – что измеряется их приспособленностью к условиям существования – должны обладать наибольшими выгодами и что низшие особи должны получать меньшие выгоды, или терпеть большие бедствия, или и то и другое – закон, который с точки зрения биологии влечет за собою переживание приспособленнейших. Истолковывая его в нравственном смысле, получим закон, что каждая особь должна подвергаться следствиям ее собственной природы и вытекающего из этой природы поведения. Во всей дочеловеческой жизни закон этот справедлив безусловно, потому что там нет причины, которая, между взрослыми, могла бы вмешиваться в отношение между поведением и его последствием.

Чтобы вполне оценить силу этого закона, мы с удобством можем на минуту остановиться на созерцании подобного ему закона или, точнее, того же самого закона, проявляющегося в другой сфере. Помимо проявления его в отношениях между членами одного и того же вида, из которых одни хорошо, другие дурно поддерживают себя, смотря по их хорошо или дурно приспособленным деятельностям, закон этот проявляется и в отношениях частей одного и того же организма между собою.

Каждый мускул, каждая внутренность, каждая железа получает количество крови, соответствующее своему отправлениям. Если они мало работают, то и мало питаются и вырождаются; если работают много, то питаются хорошо и растут. Такое уравновешение работы и питания в то же время уравнивает и относительные силы частей организма, так что организм как целое приспособлен к своему существованию тем, что его части постоянно пропорциональны требованиям. И ясно, что этот закон самоприспособления внутри каждой особи сходен с началом самоприспособления, посредством которого вид как целое оказывается приспособленным к своей среде; потому что посредством лучшего питания и большей способности размножения, свойственной членам вида, более способным и обладающим деятельностями, лучше приуроченными к нуждам, в соединении с худшей поддержкой себя и потомства у менее способных, выживание вида при наличных условиях обеспечивается в большей степени.

Итак, закон дочеловеческой справедливости тот, что каждая особь должна получать выгоды и невыгоды от своей собственной природы и от своего отсюда вытекающего поведения.

§ 251. Но дочеловеческая справедливость крайне несовершенна как вообще, так и в частности.

В общем она несовершенна в том смысле, что существуют многочисленные виды, которые могут поддержать себя лишь в зависимости от полного уничтожения других видов; и это полное уничтожение ведет к тому, что вид, служащий добычей, встречает такие частые нарушения закона зависимости между поведением и его последствиями, что лишь для весьма немногих особей закон этот долго имеет значение. Справедливо, что в таких случаях преждевременная гибель от врагов, испытываемая почти всеми членами вида, должна также считаться следствием их природы, их неспособности бороться с разрушительными влияниями, которым они подвергаются. Но мы можем вполне признать истину, что эта насильственная гибель огромного большинства жизней ведет к тому, что для такого вида животных понятие справедливости, нами определенное выше, имеет лишь самую ничтожную применимость. Дочелове-

ческая справедливость крайне несовершенна также и в частностях, в том смысле, что связь между поведением и его последствиями в огромном числе случаев нарушается случайностями – такими случайностями, которые совершенно безразлично поражают и низших, и высших особей. Множество смертей причиняется суровостью стихий, которой в большинстве случаев лучшие члены вида подвергаются наравне с худшими. Множество смертей зависит от скудости пищи, причем если не вполне, то в широкой степени хорошие мрут наравне с дурными. У низших животных причиной смерти являются также враги, действующие так, что лучшие становятся жертвой подобно худшим. То же касается нападения паразитов, часто страшно губительных и нередко губящих лучших особей так же легко, как и худших.

Высокая плодовитость низших животных, необходимая для уравновешения чудовищной смертности, сразу указывает нам, что у них долгое переживание не обеспечивается превосходными качествами; и, таким образом, дочеловеческая справедливость, состоящая в постоянном восприятии следствий поведения, лишь в редких случаях оказывается состоятельной для особи.

§ 252. Здесь мы приходим к чрезвычайно важной истине, что дочеловеческая справедливость становится все более решительной по мере повышения организации.

Съест ли ласточка ту или эту муху, сядет ли наездник (*Ichneumon*) на ту или другую гусеницу, проглотит ли кит тех или других селедок из числа ватаги – все это события совершенно независимые от свойств особей: хорошие и дурные особи гибнут наравне. Иное дело – высшие животные. Острые чувства, пронизательность, подвижность придают хищнику особую способность овладевать добычей. В стаде травоядных животное с более острым слухом, ясным зрением, более чувствительным обонянием и более значительной скоростью бега гораздо легче спасется от преследователя. Очевидно, что чем выше дарования, душевные и телесные, данного вида и, следовательно, чем больше его способность справляться с случайностями окружающей среды, тем менее зависит продолжение жизни каждой особи от случайностей, с которыми она не может справиться. И очевидно, что по мере того как это следствие общего превосходства становится заметнее, следствия частных превосходств также сильнее чувствуются. Различия между способностями особей играют более важную роль в определении судьбы особей. В одном случае отсутствие способности сокращает жизнь, в другом – значительное дарование продолжает ее. Другими словами, опыт особи более точно следует из ее собственной природы, справедливость соблюдается в большей степени.

§ 253. Дочеловеческая справедливость, насколько она выражается у существ, живущих одиночную жизнь, определена, таким образом, удовлетворительно. Но, переходя к стадным животным, мы находим, что еще один пункт не выяснен.

Простое сообщество, как, например, у оленей, приносит пользу особи и виду единственно путем более действительной охраны, которая вытекает из превосходства множества глаз, ушей и носов над глазами, ушами и носом одной особи. Тревожный сигнал скорее подается, и все пользуются чувствами наиболее одаренных особей. Когда это сотрудничество, которое можно назвать пассивным, недействительным, превращается в активное, деятельное, как, например, в стае грачей, где один сторожит, пока другие едят, или у так называемых симарроннов (*simarrons*), излюбленных охотниками горных баранов Центральной Америки, которые также ставят сторожей, или у бобров, работающих сообща при сооружении плотины, или у волков, которые составляют план нападения, распределяя роли, что содействует поимке добычи, – во всех этих случаях и для особей, и для вида являются еще большие выгоды. Говоря вообще, можно сказать, что стадность и сотрудничество, более или менее деятельное, устанавливаются для вида только потому, что они полезны: иначе переживание более приспособленных предупредило бы эти явления.

Но теперь заметьте, что это выгодное сожительство становится возможным лишь при известных условиях. Действия, направленные к самоподдержанию и исполняемые каждым, исполняются более или менее в присутствии других, занимающихся тем же; следствием является стремление к большему или меньшему ослаблению их с чужой стороны. Если ослабление велико, то сообщество может оказаться невыгодным. Чтобы оно было выгодно, деятельности должны сократиться лишь настолько, чтобы дать выгодный баланс. Переживание приспособленнейших в противном случае уничтожит ту разновидность, в которой возникают сообщества. Здесь мы находим новое начало в дочеловеческой справедливости. Каждая особь, получая выгоды и бедствия от своей собственной природы и вытекающего из нее поведения, должна выполнить это поведение в ограничительных условиях, а именно не должна значительно мешать поведению, посредством которого другие особи достигают выгод или навлекают на себя беды. Среднее поведение должно быть не таким наступательным, чтобы причинять зло, перевешивающее добро, вытекающее из сотрудничества. Итак, к положительному началу в дочеловеческой справедливости надо для стадных животных добавить отрицательное начало.

§ 254. Необходимость соблюдения того условия, чтобы каждый член группы, поддерживая себя и потомство, не мешал серьезно подобным же действиям других, чувствуется в такой степени везде, где установилось сожительство, что приравнивает к себе самый вид. Бедствия, испытываемые от времени до времени, когда нарушены границы, постоянно содействуют всеобщей выправке тем, что заставляют уважать эти границы; и это уважение со временем становится естественной чертой, инстинктом вида, потому что ясно, что невнимание к этим границам, если оно значительно и общо, приводит к распадению группы. Те только разновидности могут выжить как стадные, в которых явилось наследственное стремление поддерживать эти условия.

Но далее возникает такое общее сознание необходимости поддерживать эти границы, что нарушающие их подвергаются наказанию не только со стороны обиженных членов общины, но и со стороны общины как целого. «Бродяга» слон (всегда описываемый как особенно злой) – это слон, изгнанный своими из стада, без сомнения потому, что его поведение несносно для других, вероятно, по причине обид, им нанесенных. Говорят, что бобры изгоняют лентяя из своей колонии и этим препятствуют ему пользоваться трудами, в которых он не участвовал; факт этот тем более правдоподобен, что, например, пчелы-работницы избивают трутней, когда в них нет более нужды. Наблюдения, добытые из разных стран, показывают, что стая ворон после продолжительного совещания при громком карканье наконец убивает зловредного члена стаи. Один очевидец уверяет, что у грачей, если одна чета ворует хворостины из соседних гнезд, ее собственное гнездо разносится в прах остальными. Здесь мы видим, что необходимое предварительное условие согласного сожительства безмолвно признается чем-то вроде закона и что нарушение его влечет за собою наказание.

§ 255. У существ, ведущих одиночную жизнь, закон, гласящий, что особь должна испытать все последствия, дурные и хорошие, своей собственной природы, и вытекающего из нее поведения (этот первичный закон дочеловеческой справедливости, из которого вытекает выживание приспособленнейших), усложняется разве только родительской ответственностью. У них часто эгоистичные действия в пользу самосохранения ограничиваются во время размножения тем самоподчинением, которое необходимо для вывода потомства, но более никаким другим. У стадных животных, сколько-нибудь смысленных, сдерживаемых, как мы видели, в должных пределах присутствием других особей, – у этих животных благо вида, требуя так же самоподчинения для вывода потомства, иногда требует и дальнейшего самопожертвования. Говорят, что у бизонов во время отеления быки образуют стражу, охраняющую стадо коров и телят от волков и других хищников, что подвергает каждого быка известной опасности, но

ведет к сохранению вида. Когда стадо слонов выходит из лесу на водопой, сначала показывается один и осматривается, нет ли опасности; если не увидит ничего, то ставит других членов, как стражей, и только тогда все стадо выходит и лезет в воду. Здесь известный лишний риск испытывается немногими, чтобы многие были в большей безопасности. Еще в большей степени мы видим действия этого рода в стаде обезьян; члены его соединяются в защите или выручают товарища, или ловко устраиваются, отступая от врага. Самки с детенышами идут вперед, а самцы прикрывают отступление. Хотя в частном случае вид может потерпеть от этого и следствием может быть гибель большого числа особей, но в общем важно уже и то, что развиваются наклонности, делающие нападение на стадо опасным.

Очевидно, что если такое поведение поддерживает одну разновидность стадного вида или умножает ее численность, тогда как другие разновидности, где такого самопожертвования нет, вымирают, то для таких поступков является некоторая санкция. Сохранение вида есть наивысшая цель, а потому там, где случайная смертность особей, защищающих вид, способствует этому сохранению в большей степени, чем содействовало бы преследование каждой особью ее исключительных выгод, то справедливость, которую мы назвали дочеловеческой, получает этим путем второе ограничение.

§ 256. Остается только указать порядок первенства и соответственное достоинство каждого из этих начал. Закон соотношения между поведением и его следствиями, который во всем животном царстве вообще приносит благополучие тем особям, чьи организмы лучше приспособлены к условиям существования, – закон этот с нравственной точки зрения выражается так, что каждая особь должна получать добро и зло, вытекающее из ее природы, и он является первичным законом всех существ! Он применим поэтому без ограничения к существам, живущим одиночно, исключая того самопожертвования, которое необходимо высшим животным для воспитания потомков.

У стадных животных, – и тем более чем значительнее их сотрудничество, – играет роль еще закон, второй по порядку времени и по авторитету, гласящий, что те действия, которыми особь, по своей природе, достигает выгод и избегает зла, должны быть сдерживаемы необходимостью не мешать подобным же действиям других особей. Уважение этого закона, в большинстве случаев являясь условием, при котором только и возможна стадность, делает его повелительным законом для тех существ, которым стадность выгодна. Но ясно, этот вторичный закон есть только применение той формы, которую принимает первичный закон при условиях стадной жизни; так как, утверждая, что в каждой особи связь поведения с его следствием должна быть ограничена, он безмолвно утверждает вновь, что упомянутая связь должна быть поддержана в *других* особях, стало быть, и во всех особях, включая рассматриваемую.

Более позднего происхождения и более узок по применению третий закон, гласящий, что при условиях такого рода, когда случайными пожертвованиями некоторых членов вида достигается благополучие вида как целого, эти жертвования получают санкцию, откуда вытекает ограничение закона, что каждая особь должна получать выгоды и бедствия, вытекающие из ее собственной природы.

Наконец, следует заметить, что тогда как первый закон абсолютен для всех животных вообще, а второй – для всех стадных животных, третий закон предполагает существование врагов такого рода, что в борьбе с ними вид выигрывает более, чем сколько он теряет от жертвования немногими особями; и в отсутствие таких врагов это ограничение, налагаемое третьим законом, совершенно исчезает.

III

Человеческая справедливость

§ 257. Содержание последней главы является намеком на предметы, рассматриваемые теперь. С эволюционной точки зрения человеческая жизнь должна быть рассматриваема как дальнейшее развитие дочеловеческой жизни; отсюда следует, что с той же точки зрения человеческая справедливость должна представлять дальнейшее развитие дочеловеческой справедливости. Ради удобства та и другая рассматривается здесь отдельно, но они существенно одинаковой природы и образуют части непрерывного целого.

Для человека, как и для всех низших существ, закон, с которым сообразуется вид для своего сохранения, состоит в том, что из взрослых особи, наилучшим образом приспособленные к условиям существования, всего более будут благоденствовать; особи, всего менее приспособленные, должны преуспевать всего менее. Закон этот, если он не встречает помехи, приводит к переживанию приспособленнейших и к распространению наиболее приспособленных разновидностей. Как раньше, так и теперь мы видим, что рассматриваемый с нравственной точки зрения закон этот подразумевает следующее: каждой особи должно доставаться благо и зло, вытекающее из ее собственной природы и зависящего отсюда поведения. Не должно ни препятствовать тому, чтобы особь пользовалась любым благом, нормально вытекающим из ее действий, ни позволять, чтобы она вваливала на других какое бы то ни было зло, навлекаемое на нее ее поступками.

До какой степени подобное зло, естественно вытекающее из действий личности, может быть добровольно переносимо другими лицами, это вовсе здесь не касается нашего исследования. Ограничительные влияния жалости, милосердия и великодушия рассмотрены особо, в учении об отрицательной и положительной благотворительности. Здесь нас касается исключительно чистая справедливость. Возникающий таким образом закон и выраженный в такой этической формуле, очевидно, есть тот именно закон, который соответствует обыденному пониманию справедливого. Ежедневные утверждения и порицания подразумевают, что не следует отделять поведение от его последствий. Когда о ком-либо, страдающем от несчастья, говорят: «Он должен винить в этом только самого себя», – этим подразумевается мнение, что страдающий не потерпел несправедливости. Если кто-либо по нерассудительности или по причине дурного поведения навлек на себя зло, и о нем говорят: «Что посеял, то и пожнешь», – то в этом включено убеждение, что такая связь между причиной и следствием имеет надлежащий характер. То же относится к замечанию: «Он получил лишь по заслугам». Родственное с этим убеждение подразумевается в том случае, когда, наоборот, следствием является добро вместо зла. «Он вполне заслужил награды». «Он не получил должного вознаграждения». Такие замечания указывают на сознание того, что должна быть пропорциональность между применяемым усилием и достигаемым результатом, т. е. что справедливость требует такой пропорциональности.

§ 258. Справедливость становится более резко выраженной по мере повышения организации. Эта истина, представившаяся нам уже в предыдущей главе, поясняется дальнейшими примерами, когда мы переходим от дочеловеческой справедливости к человеческой. Степень справедливости и степень организации одновременно повышаются: это доказывается и рассмотрением всего человеческого рода, и контрастом, представляемым его высшими разновидностями по сравнению с низшими.

Мы видели, что высокоразвитый вид животного отличается от низшего вида в том отношении, что его совокупность испытывает меньшую смертность от неожиданных разрушительных деятелей; поэтому каждый из членов вида в среднем в течение более продолжительного

времени подвергается нормальному отношению между поведением и его последствием. Здесь мы видим, что человеческий род как целое, отличаясь гораздо меньшим процентом смертности, чем почти все породы низших видов, обыкновенно гораздо долее подвергает своих членов благим и злым последствиям хорошо или дурно приспособленного поведения. Мы также видели, что у высших животных более значительная средняя долговечность делает возможным обнаружение следствия индивидуальных различий в течение более продолжительного времени. Отсюда следует, что неодинаковая судьба разных особей здесь в большей мере определяется нормальным отношением между поведением и его последствиями, составляющим справедливость. Теперь же мы видим, что у человека неравенство способностей еще в большей степени и на более продолжительное время вырабатывает свои последствия, давая преимущества высшим и представляя невыгоды для низших, при непрерывной связи между поведением и его последствием.

То же следует сказать при сравнении цивилизованных человеческих рас с дикарями. Еще более уменьшается процент смертности, а это подразумевает существование еще более значительной пропорции таких членов, которые получают благие последствия от хорошо приспособленных действий и терпят зло от дурного приспособления. Точно так же ясно, что более крупные различия в долговечности между особями и более значительные различия общественного положения подразумевают, что в цивилизованных обществах в большей степени, чем у дикарей, различия одаренности и вытекающие отсюда различия поведения способны причинять надлежащие различия в благих или дурных последствиях: стало быть, справедливости здесь больше.

§ 259. У человека яснее, чем у низших рас, мы видим, что стадность (*gregariousness*) устанавливается по причине пользы, приносимой им той разновидности, у которой оно возникает. Зависит это частью от содействия общей безопасности, частью же от более легкого добывания средств существования. Ясно, что степень скопления определяется степенью подмоги, оказываемой интересам данной разновидности. Действительно, если разновидность такова, что члены ее питаются дичью и лесными плодами, то они соединяются лишь в малые группы. Дичь и плоды разбросаны по обширным пространствам и способны поддерживать лишь такие группы. Но более значительное скопление возникает там, где земледелие делает возможным прокормление более значительного числа людей на меньшей площади и где совместное развитие промыслов приводит к многочисленным и разнообразным формам сотрудничества. Мы теперь приходим к утверждению истины – слабо намеченной у низших существ и ясно обнаруживаемой людьми, – что выгоды сотрудничества (кооперации) могут быть приобретены, только согласуясь с известными требованиями, возлагаемыми сообществом (ассоциацией).

Взаимные помехи, могущие возникнуть при преследовании целей особями, живущими в близком соседстве, должны удерживаться в таких пределах, чтобы доставлять избыток преимуществ, зависящих от жизни в сообществе. Некоторые человеческие племена, как, например, аборы, ведут уединенную жизнь, так как до того склонны к нападению, что неспособны к совместной жизни. Этот крайний случай выясняет, что хотя у многих первобытных групп личный антагонизм часто причиняет ссоры, однако эти группы все же удерживаются, так как их члены приобретают в итоге более выгод – главным образом по причине большей безопасности. Ясно также, что по мере того как общины все более развиваются, разделение труда усложняется, а деловые отношения умножаются, выгоды сотрудничества становятся доступными лишь при посредстве еще лучшего соблюдения тех пределов, которые навязываются для деятельности каждого человека совместными деятельностями других людей. Эта истина поясняется несчастьем или упадком таких общин, где обиды, наносимые друг другу членами общины, таковы, что, вообще говоря, разным образом препятствуют им пользоваться нормальными плодами своих трудов.

Требование, чтобы индивидуальные деятельности взаимно сдерживались, как мы видели, чувствуется так сильно некоторыми низшими стадными животными, что они наказывают особей, не сдерживающих себя должным образом. Но это требование более повелительно у людей и чувствуется ими более явственно, причиняя более резко выраженную привычку наказывать обидчиков. В первобытных группах обыкновенно каждому обиженному предоставляется мстить за себя обидчику, и даже в обществах феодальной Европы защита и поддержка своих требований во многих случаях признавались личным делом каждого; однако всегда наблюдалось стремление к сознанию потребности во внутреннем порядке, и это сознание сопровождалось таким чувством, что и наказание обидчика целую общиной или поставленными ею исполнителями постепенно вошло в обычай. Законодательство, влекущее за собою ограничение поведения, а также содержащее наказания за нарушение этих правил, является естественным продуктом человеческой жизни, протекающей в общественных условиях. Это доказывается тем фактом, что у многих наций, образовавшихся различными типами человечества, одни и те же поступки, одинаково считающиеся правонарушениями, сходным образом подвергались запрещению.

Во всех этих фактах обнаруживается истина, признаваемая на практике, если не в теории. Каждая личность при выполнении действий, поддерживающих ее жизнь, и, не встречая помехи при достижении нормальных, хороших или дурных последствий своих поступков, должна считаться с ограничениями, которые налагаются на нее выполнением подобных же действий других особей; эти последние, в свою очередь, должны пользоваться такими же нормальными, хорошими или дурными, последствиями. В смутном, если не в определенном виде, это, как мы видели, составляет то, что называется справедливостью.

§ 260. Мы видели, что у низших стадных животных справедливость в ее всеобщей простой форме, кроме ограничения, испытываемого родителями в силу самообуздания, – а до некоторой степени и самообуздания, вынужденного сообществом, – в немногих случаях ограничивается еще далее, хотя и в малой степени, частным или полным самопожертвованием, когда особи жертвуют собою ради защиты вида. Теперь же, для наивысшего из живущих обществами существ, мы видим, что это дальнейшее ограничение первобытной справедливости принимает широкие размеры. У низших животных это дальнейшее само-подчинение вызывается единственно потребностью в защите против врагов других видов; но у людей оно зависит также от необходимости защищаться против врагов своего же вида. Рассеявшись всюду, где только есть пища, группы людей всюду стали становиться друг другу поперек дороги; и отсюда явилась взаимная вражда, и жертвы, вызываемые войнами между различными группами, стали значительно превышать те, которые вызываются защитой этих групп против низших животных. Без сомнения, для всего человечества, как и для низших пород, справедливо, что уничтожение группы или же разновидности не влечет за собою гибели всего вида; отсюда следует, что обязательство, существующее в деле самоподчинения в интересах данной группы или разновидности, есть обязательство низшего порядка по сравнению с заботой о потомстве.

Действительно, невыполнение этой последней обязанности повлекло бы за собою гибель вида. Упомянутое выше обязательство также низшего порядка по сравнению с тем, которое требует обуздания наших поступков в пределах, вынуждаемых общественными условиями, так как полное или частное невыполнение этих условий приведет к разложению группы. Все же необходимо рассматривать и упомянутое обязательство, относящееся к целостности группы, как действующее в тех пределах, в которых поддержка существования вида встречает подмогу со стороны каждой из составляющих его групп. Но таким образом оправдываемое, в смысле обязательного правила, самоподчинение ограничивается требованиями, относящимися к оборонительной войне. Сохранение группы как целого влечет за собою сохранение жизни ее членов и возможности преследования жизненных целей; и лишь в силу этого есть основание для

пожертвования некоторыми из членов группы. Основание это, однако, отпадает, когда война имеет не оборонительный, а наступательный характер.

Можно, однако, возразить, что наступательные войны приводят к такой борьбе между группами, которая оканчивается гибелью слабого, и что поэтому такого рода войны, населяя земной шар сильнейшими, содействуют интересам человеческого рода. Но если даже допустить, что побежденные группы всегда состояли из людей, обладавших меньшею душевною или телесною годностью для войны (а это не верно, так как война отчасти решается численностью, и меньшая группа может состоять из более способных воинов), то все же можно дать подходящий ответ. Лишь в течение более ранних стадий человеческого прогресса развитие силы, смелости и хитрости имеет главное значение. После образования крупных обществ и после того как явилось подчинение, необходимое для их организации, главная роль стала принадлежать другим, высшим способностям; а борьба за существование, основанная на насилии, не всегда содействует переживанию наиболее приспособленных. Стоит привести такой факт, как, например, что простая случайность могла бы привести к покорению Греции Персией, или же тот факт, что татарские орды чуть не одолели европейскую цивилизацию. Все это показывает, что когда речь идет о наступательной войне, то лишь в одном случае можно сказать с уверенностью, что она служит интересам человеческого рода, а именно когда способность к высшей общественной жизни еще отсутствует; по мере развития этой способности наступательная война все более и более стремится стать скорее помехой, чем содействием человеческому благополучию. Вкратце можно сказать, что как только достигнута ступень, когда начинают поддерживаться нравственные соображения, то этим в то же время достигнута стадия, когда наступательная война более не может быть оправдываема, так как нимало не достоверно, чтобы она содействовала преобладанию племен, пригодных для высшей общественной жизни, и наверно она причиняет вредные нравственные воздействия как на победителей, так и на побежденных; и только оборонительная война все еще может быть оправдываема основаниями, имеющими лишь сходство с нравственными (*quasiethical*).

Здесь именно следует заметить, что самое подчинение, подразумеваемое оборонительною войною, и необходимость в вытекающем отсюда ограничении отвлеченного начала справедливости принадлежат к тому переходному состоянию, которое вынуждено столкновениями между народами при помощи физической силы. Ограничение это должно исчезнуть по достижении мирного состояния. Стало быть, все вопросы, касающиеся пределов подобных ограничений, относятся к тому, что мы различаем под именем относительной этики; но они не признаются абсолютною этикою, к которой относятся основные начала правильного поведения в обществе, составленном из людей, вполне приспособленных к общественной жизни. Это различие я здесь подчеркиваю, так как в следующих главах мы убедимся, что признание его поможет нам распутать сложные задачи политической этики.

IV

Чувство справедливости

§ 261. Принятие учения об органическом развитии влечет за собою известные этические понятия. Учение это подразумевает, что многочисленные органы каждого из бесчисленных видов животных были прямо или же косвенно приспособлены к жизненным требованиям посредством постоянной встречи с этими требованиями. В то же самое время при посредстве видоизменений в нервной системе произошло развитие ощущений, инстинктов, эмоций и умственных способностей, необходимых для надлежащего употребления органов. Это мы видим у запертых в клетку грызунов, упражняющих свои челюстные мускулы и резцы бесцельным грызением, у стадных животных, несчастных в том случае, когда они не могут быть в сообществе с себе подобными, у бобров, которые в неволе обнаруживают свою страсть к сооружению плотин собиранием в кучи всевозможных палочек и камней, какие только могут достать. Окончился ли этот процесс душевного приспособления вместе с первобытным человеком? Разве человеческие существа неспособны прогрессивно приноровлять своих чувствований и идей к способам жизни, возлагаемым на них общественным состоянием, в которое они вступили? Допустим ли мы, что природа людей, приноровленная к требованиям, предъявляемым жизнью дикаря, оставалась неизменною и останется такою же ввиду требований цивилизованной жизни? Или же мы должны допустить, что эта первобытная природа путем уничтожения некоторых черт и воспитания других стала все более и более приближаться к природе, находящей для себя надлежащую среду в развитом обществе и признающей для себя нормальными требуемые здесь роды деятельности? Есть много лиц, допускающих эволюционное учение, – однако, по-видимому, не имеющих никакой веры в непрерывную приспособляемость человечества. Небрежно относясь к свидетельствам, доставляемым сравнением между различными человеческими расами и между разными эпохами в жизни одних и тех же рас, эти лица совершенно пренебрегают индукцией, доставляемой явлениями жизни в широком смысле слова. Но если бывает злоупотребление дедуктивным методом, то бывает и злоупотребление индукцией. Пусть кто-либо откажется поверить, что молодой месяц станет в течение двух недель полной луной, а затем начнет убывать и, пренебрегая наблюдениями, накопленными в прошедшие времена, станет требовать наблюдения последующих фаз – и только тогда убедится. Такого человека назвали бы индуктивным до нелепой степени. Однако не без основания к числу таких людей можно причислить и того, кто, пренебрегая индуктивным доказательством неограниченной приспособляемости, телесной и душевной, представляемой всем животным царством, не допустит для человеческой природы приспособляемости к общественной жизни, не убедившись прямо в том, что приспособление уже наступило; или более того – станет даже игнорировать очевидный факт происходящего приспособления. Здесь мы примем как неизбежный вывод из учения об органической эволюции, что наивысший тип живого существа не менее всех низших типов должен приспособиться к требованиям, возлагаемым на него обстоятельствами, а отсюда мы выведем по смыслу, что и нравственные перемены принадлежат к числу изменений, вырабатываемых этим путем.

§ 262. Известен факт, что если объядение любимой пищей причинило болезнь, то может явиться отвращение. Факт этот показывает, каким образом в области ощущений опыт устанавливает сочетания (ассоциации), влияющие на поведение. Известно также, что дом, где умерла жена или ребенок или где мы перенесли продолжительную болезнь, в такой степени сочетается с болезненными душевными состояниями, что мы его избегаем; это достаточно показывает, каков в области эмоции способ, могущий определить наши поступки при посредстве связей между душевными состояниями, создавшихся в течение нашей жизни. Когда условия

жизни данного зоологического вида делают известные отношения между поведением и его последствиями привычными, то надлежащим образом связанные между собою чувствования могут стать характерными признаками этого вида. Наследственность видоизменений, причиненных привычкою, или же переживание большого числа таких особей, у которых нервные строения видоизменялись надлежащим образом, постепенно создают руководящие стремления, подстрекающие к надлежащему поведению и отбивающие охоту от ненадлежащего. Контраст между бесстрашными птицами на островах, никогда раньше не посещенных человеком, и птицами, окружающими нас и обнаруживающими страх к человеку немедленно по выходе из гнезда, служит примером таких приспособлений.

При посредстве этого процесса у низших существ развились до некоторой степени, а у человека в значительно большей мере чувства, приспособленные к общественной жизни. Насильственные действия, обыкновенно вредные для группы, в которой они случаются, часто вредны и для совершающих их особей; поэтому хотя ими достигаются известные наслаждения, однако они часто влекут за собою перевес страданий над удовольствиями. Наоборот, поведение, сдерживаемое в требуемых пределах, не вызывающее никаких враждебных страстей, благоприятствует гармоническому сотрудничеству, приносит пользу группе, а в силу этого оказывается в среднем полезным и для особей. Отсюда, при прочих равных условиях, для групп, составленных из членов, обладающих таким природным приспособлением, является стремление к переживанию и распространению.

В числе развившихся таким образом общественных чувств одним, представляющим особое значение, является чувство справедливости. Присмотримся теперь ближе к его природе.

§ 263. Зажмите ноздри животного, и оно начнет делать безумные усилия с целью освободить голову. Свяжите ему члены, и оно станет сильно барахтаться с целью освободиться. Привяжите его за шею или за ногу, и пройдет несколько времени, прежде чем оно перестанет делать попытки убежать. Посадите его в клетку, и оно долго будет метаться. Обобщая эти примеры, мы видим, что чем чрезмернее помехи деятельности, поддерживающим жизнь, тем сильнее сопротивление. Обратное, поспешность, с которою птица пользуется удобным случаем, чтобы улететь, и радость собаки, когда ее выпустят на волю, показывает, как сильна любовь к неестественному движению.

Обнаруживая подобные чувствования подобными же способами, человек выказывает их иначе и шире. Его раздражают невидимые помехи точно так же, как и видимые; и по мере повышения его развития он подвергается влиянию обстоятельств и деятельностей, более отдаленным образом содействующих преследованию его целей или им препятствующих. Следующее сравнение пояснит эту истину. Первоначально любовь к собственности удовлетворяется единственно обладанием пищею и кровом, а вскоре и одеждою; но впоследствии она удовлетворяется обладанием оружием и орудиями, содействующими добыванию пищи и одежды, затем – обладанием сырыми материалами, служащими для выделки оружия и орудий и для иных целей, позднее – обладанием монетою, за которую можно покупать эти материалы, да и вообще все вещи, еще позднее – обладанием обещаниями уплаты, годными к обмену на монеты, наконец – чеками на банкира, записанными в чековой книжке. Одним словом, является удовольствие от обладания собственностью, все более и более абстрактного и более отдаленного от материального удовлетворения. То же можно сказать и о чувстве. Оно начинается с испытания радости при возможности пользоваться своими телесными способностями и получать соответственные выгоды и с раздражения при прямых помехах; постепенно оно соответствует все более и более широким отношениям, возбуждаясь то личной зависимостью, то политическим подчинением, то классовыми привилегиями, то, наконец, ничтожными политическими переменами. Наконец, это чувство, порою так мало развитое у негра, что он насмехается над освобожденным товарищем, потому что тот не имеет господина, могущего о нем позаботиться, так сильно раз-

вивается у англичанина, что малейшее нарушение какой бы то ни было формальной процедуры в публичном митинге или же в парламенте, не касающееся его самого существенным образом, встречает сильную оппозицию, так как может некоторым отдаленным или косвенным образом содействовать тому, что явится возможность возложить на него неожиданные тяготы или ограничения.

Ясно поэтому, что эгоистическое чувство справедливости представляет субъективный атрибут, соответствующий объективному требованию справедливости, а именно чтобы каждый взрослый человек нес последствия своей собственной природы и вытекающих из нее действий.

Действительно, пока способности всякого рода не находят полного простора, такие следствия не могут быть достигнуты ни в хорошем, ни в дурном смысле, и пока не существует чувства, побуждающего к отстаиванию этого простора, он будет суживаем, и свобода деятельности будет встречать помехи.

§ 264. Мы можем таким образом понять способ развития эгоистического чувства справедливости; но гораздо труднее понять, каким образом развилось альтруистическое чувство справедливости. С одной стороны, подразумевается, что это альтруистическое чувство может возникнуть только в течение приспособления к социальной жизни. С другой стороны, подразумевается, что социальная жизнь стала возможною только посредством поддержки тех справедливых отношений, которые основаны на альтруистическом чувстве справедливости. Каким образом могут быть выполнены эти взаимные требования? Ответ будет тот, что альтруистическое чувство справедливости может возникнуть только при содействии чувства, временно его замещающего и ограничивающего поступки, вызываемые чистым эгоизмом. Это чувство справедливости мы можем назвать «доальтруистическим». Оно складывается из различных элементов, которые следует рассмотреть поочередно.

Первым мотивом, отбивающим охоту от насилия, является встречаемая вообще у животных боязнь возмездия. Из числа существ того же вида одно получает пищу или овладевает более выгодным местом; обладание здесь до некоторой степени обеспечено страхом, испытываемым большинством других особей, боящихся мести, могущей последовать за любой попыткой к отнятию, а у людей, особенно в течение более ранних стадий общественной жизни, главным образом именно такой страх обеспечивает каждому человеку простор его деятельности и исключительное пользование всем тем, что приносит ему эта деятельность. Дальнейшей задержкой является боязнь неодобрения, которое может быть выказано не заинтересованными в деле членами группы. При изгнании «бродяги» слона из стада или убиении преступного члена стаи воронами или аистами мы видим, что даже у животных особи страдают от враждебного им общественного мнения. Однако едва ли вероятно, чтобы у животных ожидание всеобщего неодобрения предупреждало нарушения. Но у людей, «оглядывающихся назад и заглядывающих вперед» в большей степени, мысль об общественном неодобрении обыкновенно является добавочной помехой для дурного поведения одного человека относительно другого.

К этим чувствованиям, играющим роль прежде появления любой общественной организации, следует добавить те, которые возникают по установлении политической власти. Когда вождь, имевший удачу на войне, приобретает постоянную власть и дорожит ее сохранением, у него возникает желание предупреждать взаимные насилия между подвластными, так как возникающие отсюда раздоры ослабляют его племя. Право личной мести и, как, например, в феодальные времена, право частной войны ограничивается, а в то же время являются запрещения действий, причиняющих столкновения. Добавочной задержкой является страх перед карами, постигающими за нарушение этих запрещений.

По мере развития общества, вообще говоря, и культ предков развивается в особое поклонение духу умершего вождя, а затем и в поклонение духу умершего монарха. Это увеличивает

святость его прижизненных повелений; и когда с установлением культа он становится богом, то его повеления становятся божественными, и за нарушение их угрожают страшные кары. Эти четыре рода страха кооперируют между собою. Боязнь мщения, опасение общественного неодобрения, страх перед законной карой и перед небесным возмездием, соединяясь в разных пропорциях, образуют сложное чувство, задерживающее первичное стремление к такому преследованию желанных целей, которое не принимает во внимание интересов ближних. Не содержа ничего из альтруистического чувства справедливости в строгом смысле этого слова, указанное здесь доальтруистическое чувство служит временно для внушения уважения к взаимным требованиям и для того, чтобы сделать возможным сотрудничество.

§ 265. Существа, ставшие стадными, стремятся симпатизировать друг другу в степени, пропорциональной своим умственным способностям. Здесь не утверждается, чтобы это стремление к симпатии было – исключительно или даже главным образом – того рода, какой обыкновенно подразумевается под этим словом; у некоторых почти ничего нет, кроме симпатии относительно страха, а у других – относительно свирепости. Все, что здесь подразумевается, сводится к тому, что у стадных существ чувство, обнаруживаемое одним, способно возбудить родственные чувствования у других, и может сделать это в тем большей пропорции, чем более развит ум других для понимания знаков, выражающих это чувство. В «Основаниях психологии» (см. главы «Общественность» и «Симпатия и альтруистические чувства») я пытался показать, каким образом вообще возникает симпатия и как затем является альтруистическая симпатия.

Итак, здесь подразумевается, что состояние сообщества поддерживалось у людей посредством доальтруистического чувства справедливости, а это поддерживало условия, при которых может развиваться и альтруистическое чувство. В прочной общественной группе поколение за поколением встречаются события, одновременно вызывающие у членов группы проявления сходных эмоций – радости по поводу победы или избежания опасности по поводу совместной поимки добычи или открытия запасов дичи; точно так же бывают общие сетования по случаю поражений, голодовок, немилосердия и т. д. Это крупнейшие удовольствия и страдания, чувствуемые всеми сообща и обнаруживающиеся таким образом, что каждый видит в других признаки чувствований, подобных тем, которые он сам обнаруживал раньше и теперь; сюда надо прибавить менее значительные удовольствия и страдания, ежедневно проистекающие от совместного приема пищи, совместных забав, игр и нередких несчастных случаев, одновременно поражающих многих лиц. Таким образом воспитывается та симпатия, которая делает возможным альтруистическое чувство справедливости.

Но это чувство медленно принимает высшую форму, частью потому что его первичная слагаемая не получает высокого развития прежде достижения поздней стадии прогресса, частью по той причине, что оно сравнительно сложно, частью, наконец, потому что оно подразумевает усилие воображения, невозможное для низших умственных способностей. Рассмотрим все эти основания.

Каждое альтруистическое чувство заранее предполагает испытывание соответственного эгоистического чувствования. До тех пор пока боль не была испытана, не может быть симпатии к боли; человек, не обладающий музыкальным слухом, не может принять участия в удовольствии, доставляемом другим музыкой. Точно так же альтруистическое чувство справедливости может возникнуть лишь после того, как возникло уже эгоистическое чувство справедливости. Поэтому где это последнее не было развито в сколько-нибудь значительной степени или же было подавлено несчастною общественною жизнью, там и альтруистическое чувство справедливости остается зачаточным.

Сложность этого чувства становится очевидною, если заметим, что оно касается не только конкретных удовольствий и страданий, но главным образом некоторых из обстоя-

тельств, при которых те или другие достижимы или устранимы. Так как эгоистическое чувство справедливости удовлетворяется поддержкою условий, делающих достижение желаний беспрепятственным, и, наоборот, раздражается нарушением этих условий, то отсюда следует, что альтруистическое чувство справедливости требует для своего возбуждения идей не только о таком удовлетворении, но и о тех условиях, которые в одном случае поддерживаются, а в другом нарушаются.

Очевидно поэтому, что для возможности испытывать это чувство в развитой его форме способность мысленного воспроизведения должна быть сравнительно велика. Если чувствования, которым надо симпатизировать, представляют простые удовольствия и страдания, то высшие стадные животные порою обнаруживают их; жалость и великодушие порою испытываются ими, как и человеком. Но для того чтобы понять одновременно не только чувствования, произведенные в другом человеке, но также связь действий и отношений, производящих эти чувствования, требуется внесение в состав мысли большего числа элементов, чем сколько может быть единовременно охвачено низшим животным. А когда мы приходим к наиболее отвлеченным формам чувства справедливости, касающимся общественных порядков, то оказывается, что только высшие разновидности человека способны к пониманию путей, посредством которых дурные или хорошие законы или учреждения случайно смогут коснуться сферы их деятельности; поэтому лишь они будут под влиянием такого чувства оказывать содействие или противодействие и только у них при таких условиях, возбуждается то симпатизирующее чувство справедливости, которое заставляет их отстаивать политические интересы сограждан.

Существует, конечно, тесная связь между чувством справедливости и социальным типом. Господство милитаризма, влекущее за собою принудительную форму организации, как среди воинов, так и в обществе, поддерживающем эту военную силу, не предоставляет никакого простора для эгоистического чувства справедливости, но, наоборот, постоянно попирает его; и в то же время симпатии, производящие альтруистическое чувство справедливости, постоянно ослабляются военной деятельностью. Обратное, по мере того как принудительный режим (*status*) заменяется договорным режимом – другими словами, как только добровольное сотрудничество, характеризующее промышленный строй общества, становится более общим, чем принудительная кооперация, характеризующая милитаризм, – тотчас мы видим, что индивидуальные деятельности становятся менее стесненными и чувство наслаждения просторной деятельностью все более поощряется. В то же время случаи подавления симпатий становятся менее частыми. Поэтому в течение воинственных фаз общественной жизни чувство справедливости понижается; оно повышается в мирные времена и может достичь своего полного развития только при постоянном мирном состоянии¹.

¹ Постоянный мир существует в редких местах; но где он существует, там чувство справедливости необыкновенно сильно и впечатлительно. Я рад новому поводу для того, чтобы указать, что среди так называемых нецивилизованных людей есть некоторые, отличающиеся полным отсутствием воинственной деятельности и в то же время могущие своими характерами пристыдить народы, называемые цивилизованными. В моем сочинении «Политические учреждения», §§ 437 и 574 я привел восемь примеров этой связи между фактами, заимствованными из описания племен разных типов.

V

Идея справедливости

§ 266. При описании чувства справедливости был подготовлен путь для описания идеи справедливости. Хотя чувство тесно связано с идеей, однако их можно ясно различить. Пусть кто-либо уронил свой бумажник; обернувшись назад, он видит, что другой подобрал и не желает отдать: потерпевший негодует. Если лавочник пришлет ему на дом не тот товар, который куплен, он протестует против обмана. Если он на минуту оставил свое место в театре, а кто-либо его занял, он чувствует, что потерпел обиду. Если утром его будит шум в курятнике соседа, он жалуется на беспокойство. Он симпатизирует гневу приятеля, который под влиянием ложных утверждений впутался в несчастное предприятие или же проиграл тяжбу по причине промаха в ведении дела. Но хотя в этих случаях его чувство справедливости оскорблено, он может быть не в состоянии различить существенные черты, причиняющие в каждом данном случае обиду. Он может в полной мере обладать чувством справедливости, в то время как его идея справедливости останется смутною.

Это отношение между чувством и идеей есть дело времени. Способы взаимного нарушения прав становятся многочисленнее и запутаннее по мере усложнения общества; они должны быть испытаны в их разных видах, поколение за поколением, прежде чем анализ будет в состоянии выяснить существенное различие между законными и незаконными деяниями. Эта идея возникает и становится определенной по мере опытов, показывающих, что деяние может быть доведено до известного предела, не вызывая озлобления со стороны других людей, но если оно перейдет этот предел, то вызовет озлобление. Такие опыты накапливаются, и постепенно, вместе с отвращением от поступков, причиняющих страдания вследствие реакции, возникает также понятие о пределе для каждого рода деятельности, до которого распространяется свобода действия. Но так как роды деятельности многочисленны и становятся с развитием общественной жизни, все более разнообразными, то проходит много времени, прежде чем может быть понята общая природа предела, относящаяся ко всем случаям².

Следует указать дальнейшее основание для медленности этого развития. Идеи, как и чувства, в среднем должны быть приспособлены к общественному состоянию. Поэтому, так как война была частою или обычною почти во всех обществах, то те идеи справедливости, которые существовали, постоянно становились смутными по причине противодействующих друг другу требований дружбы внутри общества и вражды с внешними врагами.

§ 267. Было уже выяснено, что идея справедливости, по крайней мере та, которая свойственна человеку, содержит два элемента.

С одной стороны, есть положительный элемент, подразумеваемый в признании каждым человеком своих притязаний на беспрепятственную деятельность и на приносимые ею благодеяния.

С другой стороны, отрицательный элемент, подразумеваемый сознанием пределов, навязываемых существованием других людей, имеющих подобные же притязания. Две противопо-

² Происхождение идеи простых пределов для простых деятельностей обнаруживается у смысленных животных и служит для освещения процесса в случае более сложных действий и менее ясных пределов. Укажу на собак в Константинополе, у которых если не между особями, то между группами существует молчаливое заявление притязаний и кары за нарушение их. Этот общеизвестный факт недавно был поразительным образом подтвержден в сочинении майора Джонсона (E. C. Johnson, *On the Track of the Crescent*). Он пишет (стр. 58–59): «Однажды вечером я гулял (в Константинополе) с одним английским жандармским офицером, как вдруг подбежала собака-самка и лизнула его руку... Она следовала за нами немного, но вдруг остановилась среди улицы. Она махала хвостом и тоскливо глядела нам вслед, но не двигалась с места, хотя мы звали ее. Несколько дней спустя... та же собака узнала меня... и следовала за мною до границы своей области».

ложные черты в этих двух составных частях особенно обращают на себя внимание. Неравенство есть первоначально внушаемая идея. Действительно, если следовать принципу, что на долю каждого должны выпасть благодеяния и бедствия, зависящие от собственной природы и вытекающего отсюда поведения, то различие между способностями людей должно привести к различию в следствиях их поведения. Неравные количества выгод подразумеваются этой идеей.

Взаимные ограничения человеческих действий внушают противоположную идею. Если каждый преследует свои цели, пренебрегая притязаниями соседа, то возникают ссоры; отсюда является сознание необходимого установления границ для деяний каждого лица, с целью избежания ссор. Опыт показывает, что границы эти в среднем одни и те же для всех, и вытекающая отсюда мысль о взаимно ограниченных сферах деятельности приводит к понятию о равенстве.

Неравномерная оценка этих двух факторов человеческой справедливости приводит к разноречивым нравственным и общественным учениям, на которые мы должны теперь бросить взгляд.

§ 268. У некоторых из грубейших дикарей оценка этого рода не выше, чем у низших стадных животных. Здесь сильный берет что хочет у слабейшего, не вызывая общего порицания, как, например, у догрибов, тогда как в других местах существует на деле и молчаливо одобряется нечто вроде коммунизма, как, например, у огнеземельцев. Но там где обычная война развила политическую организацию, идея неравенства становится преобладающею. Если не среди побежденных, обращаемых в рабство, то среди победителей, естественно признающих должным то, что ведет к осуществлению их интереса, находит пищу элемент в понятии справедливости, подразумевающий, что превосходство должно приводить к преимуществам. Хотя диалоги Платона не могут быть признаны мерилом убеждений греческого мира, все же из них мы можем извлечь, какие именно убеждения были распространены. Главкон, приводя ходячее мнение, говорит: «Таково, по их утверждению, происхождение и природа справедливости: есть середина или примирение между тем, что всего лучше для каждого – а именно чтобы наносить несправедливость, не претерпевая ее, и между тем, что для каждого составляет наибольшее бедствие, – т. е. страдать без возможности возмездия; справедливость же, занимая середину между тем и другим, допускается не как добро, а как наименьшее зло». И тотчас же вслед за этим сказано, что люди «направляются на путь справедливости только силою закона».

В этой замечательной цитате необходимо отметить несколько вещей. Прежде всего здесь мы находим признание факта, указанного выше, а именно что на ранней ступени развития выполнение справедливости начинается со страха перед возмездием и с внушаемого опытом убеждения, что в общем желательно избежать насилия и уважать границы, требуемые компромиссом. Здесь нет мысли о внутренней гнусности насилия, но идет речь лишь о неблагоприятности. Далее, пределы для деяний каждого человека, описанные как «середина или примирение» и уважение к тому, что названо «путем справедливости», – все это установлено лишь «силою закона». Закон не рассматривается как выражение справедливости, познаваемой иным образом, но как самый источник справедливости; а поэтому смысл приведенной цитаты тот, что справедливо повиноваться закону. Наконец, здесь подразумевается, что не будь возмездия и законных кар, сильнейший мог бы с полным основанием насиловать слабейшего. Здесь мы видим до половины выраженное убеждение, что превосходство должно пользоваться всеми преимуществами, какими оно может овладеть. Идея неравенства занимает выдающееся место, тогда как идея равенства не проявляется определенным образом.

Каково было мнение Платона или, скорее, Сократа, по этому предмету – это не очень легко узнать. Греческие идеи по многим вопросам еще не достигли стадии определенности, и на всем протяжении диалогов мышление туманно. Справедливость, в некоторых местах поясняемая примерами честности, в других местах признается равнозначащей с добродетелью в

широком смысле слова; в этих случаях она рассматривается (цитирую по изложению Джоуэтта) как «всеобщий порядок или благосостояние, сначала в государстве, а затем и для отдельного лица». Это последнее, окончательное мнение подразумевает установленное господство правящего класса и подчинение остальных. Справедливость состоит в том, чтобы «каждый из трех классов совершал работу, приличную его классу»: плотник, башмачник и всякий другой должен делать «свое собственное, а не чужое дело», и все должны повиноваться тому классу, делом которого является управлять³.

Таким образом, идея справедливости развивается из идеи неравенства. Хотя здесь есть некоторое признание равенства положений и притязаний между членами одного и того же класса, однако правила, относящиеся к общности жен и т. п. в классе «стражей», имеют признанную целью установить даже в этом классе неравные преимущества в пользу высших.

Что понятие о справедливости имело этот общий характер у греков, доказывается далее фактом появления его вновь у Аристотеля. В главе V своей «Политики» Аристотель заключает, что отношение между господином и рабом в одно и то же время и выгодно, и справедливо.

Но теперь заметьте, что, хотя в греческом понятии о справедливости преобладает идея неравенства, тогда как идея равенства незаметна, неравенство относится не к естественному достижению больших выгод помощью больших заслуг, но к искусственному приношению наград к заслугам. Речь идет о неравенстве, главным образом, установленном властью. Ступени в гражданской организации того же характера, как и в военной; в обоих случаях господствует регламентация, и идея справедливости соотнобразуется с характером общественного строя.

И эта идея справедливости свойственна вообще воинственному типу, в чем мы убеждаемся для всей Европы в последующие века. Достаточно указать, что наряду с различными установленными законом положениями и привилегиями разных сословий существовали различные постепенности в суммах, которые уплачивались в виде пени за преступления, сообразно с рангом обиженного. До какой степени понятие о справедливости определялось понятием о справедливо существующем неравенстве, показывают осуждения рабов, бежавших в города и, как говорили, «несправедливо» ускользнувших из под власти господ.

³ На другой странице находится типичный пример сократовского рассуждения. Признается справедливым, чтобы люди «не брали чужого и не были лишены своего собственного». Отсюда выводится, что справедливость состоит в «обладании своим и в *делании* своего собственного дела»; а далее следует вывод, что несправедливо, чтобы один человек брал на себя занятие другого и «пробивался» из одного класса в другой. Итак, здесь, только потому что собственное имущество и собственное занятие человека называются его собственным уделом, т. е. одним общим именем, к обоим применяется одинаковый вывод. Здесь вмешиваются в рассуждение два заблуждения: первое – что человек будто бы может быть «собственником» ремесла или профессии таким же образом, как и собственником платья; второе – что так как человека нельзя *лишить* платья, стало быть, нельзя лишить ремесла, а потому надо *ограничить* его занятия только этим делом. Диалоги Платона постоянно пестрят погрешностями этого рода, причиняемыми смешением слов с вещами: единство имени смешивается с единством природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.